

Начало второго месяца принесло с собой возобновление занятий после весенних праздников. Сяодун отправился в академию спозаранку, бережно неся связку книг. И пусть былая восторженность угасла, в груди всё равно теплилось радостное предвкушение.

Он пришёл пораньше в надежде встретить кого-нибудь знакомого. И не ошибся. В классе, у второй парты в первом ряду справа, уже стоял растерянный подросток в сопровождении своего слуги-книгоноши. Оба выглядели довольно неприкаянно.

Не дожидаясь, пока мальчик его заметит, Сяодун шагнул навстречу и окликнул его:

— Шоуи.

Пятый сын Клана Гу, бывший на пять лет младше Сяодуна, резко обернулся. Стоило ему увидеть вошедшего, как он тут же недовольно поморщился:

— Почему ты?

— Я, кто же ещё, — отшутился Сяодун. — Пришёл поприветствовать пятого молодого господина.

На лице Шоуи отразилось такое отвращение, словно он проглотил муху. За прошедшие пять лет его неприязнь к Сяодуну ничуть не угасла — пожалуй, она стала только сильнее.

Сяодун лишь мягко улыбнулся. Не желая навязываться, он достал из сумки своего слуги небольшую тетрадь и протянул её мальчику:

— Пусть твой первый день в академии пройдёт хорошо, младший брат Шоуи. В этих записях я собрал привычки и требования наших наставников. Возможно, они покажутся тебе бесполезными, но вдруг пригодятся — хотя бы как подкладка под бумагу, чтобы чернила не расплывались.

С этими словами он повернулся и направился к своему месту на самом последнем ряду. Сяодун искренне верил, что сделал всё, чем мог помочь.

В последние годы он редко бывал в Западном саду процветания, а с кровной роднёй из клана Гу почти не пересекался. Прежние робкие надежды сблизиться, стать частью настоящей, дружной семьи со временем угасли. Стоило им пустить зелёные ростки в его сердце, как их безжалостно срывали.

Он не знал, в чём виноват, и не понимал, как заслужить их расположение. Приходилось довольствоваться малым и искать радость в одиночестве, спасаясь самообманом. Мечта о семье всё ещё тлела глубоко внутри, но уже не горела прежним ярким пламенем.

В такие минуты Сяодун отчаянно тосковал по названому брату. Чжан Дэнцина не было рядом, и тогда его мысли тянулись к Гу Цзиньюю. Но и того удавалось увидеть нечасто, и Сяодун принимался думать о Су Минья и других немногих знакомых.

Вернувшись за парту, он раскрыл новую книгу и взглянул в окно, где медленно вставало утреннее солнце. На губах его заиграла улыбка — Сяодун принялся мечтать о том, каким будет наступающий год.

Проучиться ещё год. Весной — усердно трудиться, летом — списывать свиток за свитком, осенью — грызть гранит науки, а зимой — наконец покинуть городские стены.

Когда закончатся зимние праздники, нужно будет улучшить момент и во что бы то ни стало тайно покинуть Клан Гу. Хотя бы ради того, чтобы встретиться с братом. Тоска по Чжан Дэнцину становилась невыносимой.

Те враги из цзянху, которых его названный брат так опасался в детстве, наверняка уже забыли о них и прекратили поиски. Но даже если нет — они оба повзрослели и теперь смогут постоять за себя.

Как Дэнцин планирует жить дальше? Если решит остаться в армии, Сяодун станет военным лекарем, чтобы приносить пользу и всегда быть рядом. А если брат захочет уйти в отставку, они снова объединятся: станут бродячими торговцами, странствующими целителями или просто вольными рыцарями дорог.

В Чанло у него оставались те, к кому он привязался всей душой, однако этот огромный город так и не стал ему родным. Навещать друзей — да, но оставаться здесь на всю жизнь Сяодун не хотел.

Те прекрасные юноши и девушки, которых он полюбил в столице, имели свои стремления и цели. Они занимали огромное место в сердце Сяодуна, но сам он для них оставался лишь случайной пылинкой на жизненном пути.

Гу Цзиньюй принадлежал клану Гу, Су Минья был частью клана Су, а у него самого не было причала. Сяодун не знал, для чего Клан Гу приютил его... Ему хотелось верить, что это была хотя бы крошечная дань кровному родству, побудившая их просто дать ему кров и пропитание.

Огромный Чанло раскинулся на мили вокруг, но Сяодун чувствовал себя чужаком. Людей, которых он мог бы назвать своей истинной семьей, можно было пересчитать по пальцам одной руки. Не было никого, с кем он мог бы связать судьбу до конца дней, и даже тех, с кем разделит бы хотя бы несколько лет пути.

Пожалуй, когда придёт время уходить, никто не станет проливать по нему слёз.

Скорее, его исчезновение принесёт большинству лишь облегчение.

Солнечный свет залил округу. Со двора донеслись приближающиеся шаги и весёлый гул голосов. Сяодун наблюдал из окна за сбором соучеников. Су Минья пока отсутствовал, но остальные двадцать два молодых господина со своими слугами не спеша заполняли класс.

Большинство избегало смотреть в его сторону. Гэ Дунчэнь и Гуань Юньцзи никогда бы не опустили до разговоров с ним при всех. Иные бросали на него двусмысленные, липкие взгляды. Лишь Су Сяюань, сидевший за соседней партой, с широкой улыбкой подбежал к нему и замахал рукой:

— Брат Шаньцин! — Сяюань, казалось, готов был придвинуть свой стол вплотную к его парте.

На душе у Сяодуна вновь потеплело. Он с улыбкой перекинулся с другом парой фраз. Весенний ветер второго месяца, точно острые ножницы, незаметно кроил полотно уходящих дней.

В третьем месяце, когда зацвели персиковые деревья, в Чанло благополучно завершились первые весенние экзамены. Су Минья всё ещё не вернулся в бамбуковую обитель. Сяодун коротал время в тихом уединении, выхаживая подростка Сяо Пэя. Дни его тянулись однообразно: днём он учился, вечером занимался боевыми искусствами, а в свободные минуты возился со щенком.

И вот, глубокой ночью, во Двор учеников неожиданно явился Гу Цзиньюй, которого Сяодун не видел больше месяца. К тому моменту Сяодун уже крепко спал.

Разбудил его тихий, жалобный писк Сяо Пэя. С трудом разомкнув веки, Сяодун увидел силуэт у собачьей лежанки. Высокий гость присел на корточки и прижимал ладонь к мордочке щенка, не давая тому шуметь. Лунный свет серебрил его плечи. Короткие пряди волос топорщились на затылке — Сяодун заметил, что кончики волос слиплись от запекшейся крови.

Сяодун повёл носом и мгновенно стряхнул остатки сна. Быстро поднявшись на постели, он негромко позвал его:

— Гу Сэньцин... Пахнет кровью. Ты ранен?

Цзиньюй слегка вздрогнул и резко обернулся. Его голос прозвучал глухо и хрипло:

— Прости. Я разбудил тебя?

— Вовсе нет. У Сяо Пэя в последнее время неладно с животом, по ночам то и дело мается, так

что я теперь сплю чутко, — ответил Сяодун, набрасывая на плечи халат.

Окно во внутренней комнате было распахнуто настежь. Этот несносный Цзиньюй опять пробрался внутрь тайком, точь-в-точь как воришка.

Впрочем, отчитывать его Сяодун не стал. Затебив на столе светильник, он подошёл ближе и опустил на корточки рядом с ним. Кончиком пальца он легонько ткнул Цзиньюя в лоб:

— Так ты ранен или нет? Меня не обманешь, нюх у меня отменный.

Цзиньюй вновь виновато опустил голову:

— Прости. Не успел переодеться. Я цел, кровь чужая.

Сяодун тихо охнул. При тусклом свете свечи он взгляделся в бесстрастное, как застывшая вода, лицо собеседника. От этих слов среди ночи по коже побежал холодок:

— Неужели всё настолько опасно?

Цзиньюй покачал головой, уверяя, что всё в порядке. Его тёмные, глубокие глаза застыли на лице Сяодуна:

— Сяодун, мне нужно уехать. Очень далеко и надолго — вернусь в лучшем случае через полгода. Прости меня. Я хотел лишь оставить записку и уйти, но всё-таки потревожил твой сон.

«Записку мог передать и Догоревший фитиль, — пронеслось в мыслях Цзиньюя. — Я просто хотел увидеть тебя ещё раз»

Сяодун растерянно захлопал глазами:

— Прямо сейчас? Ты даже до утра остаться не можешь? Полгода... Так долго ты ещё никогда не отсутствовал. Куда тебя отправляют?

— Неважно куда, главное — меня убирают из столицы, — Цзиньюй ласково коснулся его макушки. — Если в двух словах: при дворе обострилась борьба между наследниками престола. Император пытается сохранить равновесие сил между Наследной принцессой и вторым принцем Гао Минцянем. Поскольку позиции Восточного дворца укрепились, государь решил ослабить наше влияние и временно отослать меня подальше от двора. Но ты не переживай, всё идёт по плану Наследной принцессы. Мне и так предстояло отправиться в эти земли для расследования одного важного дела. Просто сроки сдвинулись.

Сяодун встревожился не на шутку. Собрав в кулак растрёпанные волосы, он поднялся на ноги:

— Звучит жутко. Подожди минуту. Раз уж ты уезжаешь на такой срок... мне не по себе. Я соберу тебе кое-что в дорогу.

Цзиньюй порывался пойти следом, но Сяодун строго пригрозил ему пальцем:

— Посиди со Сяо Пэем, за мной ходить не нужно!

Цзиньюю пришлось подчиниться. Он снова опустился на корточки, заворожённо наблюдая за подросшим чёрно-белым щенком. Сяо Пэй, признав хозяина, всю вилял хвостом и преданно лизал его ладонь — горячо, искренне, с тем чистым восторгом, который не знает сомнений и страха предательства.

Вскоре Сяодун вернулся, держа в руках увесистый узелок из плотной парчи, размером едва ли не с его голову. Внутри что-то негромко позвякивало.

Полы его одежды были аккуратно подвязаны, а лицо казалось бледнее обычного. Растрёпанный, он опустился напротив Цзиньюя и бережно развязал узелок, являя свету множество глиняных баночек и склянок:

— Вот, держи, Сэньцин. Здесь лечебные притирки, мази и пилюли, которые я готовил все эти годы. Выглядят они, конечно, простовато, точно дешёвые снадобья из глухой деревни, но ты поверь мне — они творят чудеса.

Сяодун смущённо качнул головой, подбирая слова:

— Если в пути получишь ранение или подхватишь заразу, они мигом поднимут на ноги. Сам знаешь, я часто бываю у молодого господина Су, у него всегда в избытке редкие травы, от которых мне то и дело перепали отличные остатки. Пожалуйста, возьми всё с собой. Пусть лучше они тебе не пригодятся, но если вдруг кто-то из твоих людей пострадает — снадобья спасут им жизнь. В дальних краях серебро и лекарства лишними не бывают, верно?

Он туго затянул узелок и настойчиво вложил его в руки Цзиньюя, сокрушённо вздыхая:

— Жаль, что ты уезжаешь так спешно. Будь у меня хотя бы пара дней, я бы приготовил снадобья получше.

Цзиньюй бережно прижал узелок к груди. Подари ему Сяодун сейчас хоть сухую солому, она показалась бы ему бесценным сокровищем. Ткань ещё сохраняла тепло чужих ладоней, и от этого сердце Цзиньюя затопила щемящая нежность. Простая благодарность казалась слишком холодной, а промолчать он не мог, поэтому растерянно произнёс первое, что пришло в голову:

— Спасибо тебе, Сяодун. Я обязательно воспользуюсь ими.

Сяодун так и прыснул со смеху:

— Братец, не накликай на себя беду!

Цзиньюй мягко улыбнулся, но тут же посерьёзnel:

— Весь прошлый месяц я не мог навестить тебя. Су Минья... он ничего не говорил о своих планах на твой счёт?

При упоминании этого имени взгляд его мгновенно потемнел. По первоначальному уговору Цзиньюй должен был оставаться в Чанло как минимум до конца пятого месяца. То, что его отъезд перенесли на столь ранний срок, было делом рук коварного клана Су.

«Иначе мы могли бы вместе отпраздновать твой день рождения и разделить чашу долголетия», — с горечью подумал он.

— Молодой господин Су? Я и сам его давно не видел. А почему ты спрашиваешь? — Сяодун удивлённо повёл плечом и, рассеянно чертя пальцем по прохладному полу, признался: — Во время нашей последней встречи он пообещал, что во время Императорской зимней охоты возьмёт меня с собой за город, чтобы показать гору Белых Ключей.

В комнате мгновенно повеяло могильным холодом. Голос Цзиньюя упал до опасного шёпота:

— Императорская зимняя охота...

— Что-то не так?

— Не смей туда ездить.

Тёмные глаза Цзиньюя сверкнули так яростно, что у Сяодуна тревожно сжалось сердце:

— Там опасно?

Цзиньюй молча смотрел на него несколько мгновений, а затем подался вперёд и накрыл ладонью губы юноши. Лица их оказались настолько близко, что, не будь между ними преграды из его пальцев, это стал бы глубокий, отчаянный поцелуй.

В полумраке комнаты раздался его низкий, вибрирующий голос:

— Сяодун, сейчас ты совершенно трезв. Поэтому я задам тебе тот же вопрос, что и четыре года назад.

— Ты уйдёшь с Су Минья или останешься со мной?

<http://bllate.org/book/20609/2209222>